КАБУРАГИ РЭН

КИОТСКОЕ ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

В ПОИСКАХ ВОСПОМИНАНИЙ

鏑木蓮

思い出探偵

ОБОРОТНОЙ СТОРОНОЙ
ДОРОГИХ ВОСПОМИНАНИЙ
ОКАЗЫВАЮТСЯ ТЕ, КОТОРЫЕ
ХОЧЕТСЯ ВЫТЕСНИТЬ ИЗ ПАМЯТИ.

Рэн Кабураги

Киотское детективное агентство

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Кабураги Р.

Киотское детективное агентство / Р. Кабураги — «Издательство АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-168446-4

После смерти единственного сына бывший полицейский Дзиссо Кодзиро приходит к выводу, что человеческая жизнь в конечном итоге представляет собой лишь коллекцию воспоминаний. Причем если одни воспоминания оказываются слишком тяжелыми и трагичными, то другие, напротив, превращаются в источник жизненной силы, помогают людям вставать по утрам и браться за дело. Кодзиро открывает необычное детективное агентство, которое занимается не проверкой репутации торговых партнеров или сбором доказательств супружеской неверности, а розыском людей или предметов, так или иначе связанных с важными воспоминаниями. Среди его клиентов — одинокая женщина, которая хочет отблагодарить незнакомца, вернувшего ей памятную подвеску, и смертельно больная старушка, желающая разыскать человека, который за шестьдесят лет до этого спас ее жизнь в годы воцарившегося в послевоенной Японии хаоса. А помогают Кодзиро бывшая медсестра, начинающий актер и девушка, которая так и не оправилась от трагической смерти родителей.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-168446-4

© Кабураги Р., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Глава 1 7
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Рэн Кабураги
Киотское детективное агентство: в поисках воспоминаний

© Yuriko ISHIDA, 2013
© Перевод. У. Сапцина, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026
Иллюстрация на обложке А. Гайворонской

Глава 1
Мужчина, пишущий теплым почерком

1

Случайно выглянув в окно, Дзиссо Кодзиро лишь тогда заметил, что лампа, освещающая вывеску, осталась включенной. Словно убегая от экрана компьютера, он встал с места и погасил ее. Выделявшиеся на вывеске иероглифы «Детективное агентство „Воспоминания“» снова слились с белым акриловым фоном.

Время близилось к пяти часам утра. Поскольку клиент условился прийти за отчетом в девять, в запасе оставалось еще четыре часа. Если закончить писанину за три, отдать на вычитку жене, встающей в восемь, а пока привести в порядок прилагающиеся снимки и прочее, времени, возможно, еще хватит, чтобы не спеша выпить кофе. Но это если удастся избавиться от сонливости, накатывавшей на него волнами последние минут тридцать.

С клавиатурой у Кодзиро не ладилось. В полиции префектуры Киото, откуда он уволился пять лет назад, компьютером он не пользовался, разве что в случае крайней необходимости и по минимуму. Писать он предпочитал довольно толстыми авторучками, и его почерк, хоть он красотой и не отличался, ценили за разборчивость.

Но взявшись за нынешнюю работу и худо-бедно справляясь с задачей составления отчетов, он постепенно пришел к пониманию удобства оцифрованной информации. Заботясь об эффективности, он остро сознавал, в какую обузу превратилась его гордость – рукописная документация, и стал отстукивать ее на клавиатуре.

Раз уж все равно встал, Кодзиро вышел на улицу подышать свежим воздухом. Императорский сад впереди окутала легкая утренняя дымка, пожилая пара уже отправилась на прогулку. Шел июль, но вопреки ожиданиям в это время суток ветер, овевающий щеки, не приносил с собой досадного зноя.

Сколько бы раз Кодзиро ни готовил отчеты детективного агентства «Воспоминания», эта задача давалась ему с большим трудом. Предметом отчетов были не люди или вещи, а воспоминания. Оценка детективной составляющей всецело зависела от качества отчета и от настроения клиента. В памятке для клиентов детективного агентства Кодзиро указывал, что если отчет не удовлетворит их, взысканы будут лишь фактические издержки. Совестно было превращать воспоминания в деньги. Он не только не собирался зарабатывать на жизнь поиском воспоминаний, но и не считал это занятие прибыльным.

С головой уйдя в расследования, чтобы перенести смерть единственного сына, он даже не заметил, как его жену затянула пучина алкоголизма, и поэтому чуть не попался в ловушку распада семьи.

Сама по себе смерть их сына, первый год учившегося в старших классах, была необычна. Он утонул зимой в озере Бива.

Следственный отдел полиции префектуры Сига нашел на его новехоньком, купленном на деньги с летней подработки компьютере стихи, напоминающие предсмертные, и постановил, что произошло самоубийство.

Даже Кодзиро, редко появлявшийся дома, был уверен: его сын Коси не из тех людей, которые способны оборвать собственную жизнь. А его матери Митиё факт признания самоубийства давался гораздо тяжелее.

Естественно, Кодзиро усомнился в заключении, сделанном полицией префектуры Сига, и решил провести независимое расследование. В полицейских структурах подобная самодеятельность отнюдь не приветствовалась, и после бесчисленных конфликтов с начальством Кодзиро наконец решился подать рапорт об отставке.

У него появилось время. Исчезла вероятность, что кто-то будет ставить препоны, мешая ему искать истинную причину смерти сына и вплотную заниматься лечением жены.

В случае дальнейших ухудшений из алкогольного гепатита разовьется гепатоцирроз, и тогда… Жене, у которой уже возникали слуховые и зрительные галлюцинации, сопровождающие начало распада личности, он безмерно сочувствовал.

Митиё постоянно пересматривала все, что было связано с их сыном, – записи в «Книжке здоровья матери и ребенка», альбомы, табели, учебники времен начальной школы и аттестаты, дни напролет слушала на повторе его любимые диски. Нежелание принять смерть Коси, казалось, перенесло ее в прошлое. Она просто погружалась в глубины памяти и отвергала нынешнее существование.

Однако начав пить спиртное, как воду, она заколотила дверь комнаты Коси гвоздями, заявив, что никакого ребенка у них вообще не было. Словом, схватка с воспоминаниями подорвала ее здоровье.

Кодзиро все равно хотел быть рядом с ней, пусть даже недолго.

Он решил, что постарается посвятить все свое время расследованию дела Коси и помощи жене.

2

Однажды с Кодзиро произошло событие, благодаря которому он осознал, насколько важны воспоминания в жизни человека.

Как обычно, он привел жену в университетскую больницу К. и рассчитывал погреться на еще теплом в начале осени солнце, пока идет прием. У выхода на улицу Хигасияма была оборудована роскошная, просторная как площадь территория, откуда, сидя под солнцем на одной из скамеек, было удобно наблюдать, не выходит ли жена.

Присмотрев подходящую скамейку, Кодзиро уже собирался сесть, как вдруг услышал крик: «Эй, подождите!». Он оглянулся, но никого у себя за спиной не увидел.

Но метрах в тридцати парень с каштановыми волосами, в мешковатой, раздувающейся на ветру футболке мчался в его сторону. За ним виднелась сидевшая на корточках женщина лет сорока.

Тело Кодзиро, решившего, что парень выхватил у женщины что-нибудь, отреагировало машинально. Вместо того чтобы столкнуться напрямую, Кодзиро подскочил к парню слева и всей тяжестью нанес удар в плечо. Не успев увернуться, тот потерял равновесие и повалился на землю.

Но прежде чем он рухнул ничком, Кодзиро придержал его за руку и сначала упал сам, оберегая голову задержанного от удара. Основной принцип задержания гласил, что оно должно быть произведено как можно менее травмирующими методами. За несколько месяцев с момента отставки тело Кодзиро не утратило этот физический навык. Изменилось другое: хотя свободу передвижения парня Кодзиро и ограничил, права на задержание он не имел.

– Чтоб тебя! Вернул уже, чего еще? Пусти, дядька! – рявкнул парень, когда Кодзиро уже подумывал сдать его в полицию, и он слегка ослабил захват.

Парень стряхнул с себя его руку, досадливо прищелкнул языком и пустился наутек. Криво усмехнувшись, Кодзиро поднял с земли брошенную парнем сумочку и протянул ее хозяйке, нетвердым шагом подошедшей к нему.

– Госпожа, вы не пострадали?

– Извините, я так вам благодарна. Вы мне очень помогли. Если бы он пропал… – Потупившись, женщина продолжала кланяться и благодарить. Потом достала из сумочки кожаный, явно долго прослуживший бумажник, погладила его и убрала обратно.

– Украсть то, что было внутри, он не успел, но не мешало бы проверить на всякий случай.

Те, кто промышляет выхватыванием сумочек, мастерски извлекают из них лишь купюры и сразу же избавляются от сумочек и прочих вещей.

– Даже если деньги, это ничего, ведь я ношу их с собой не очень много. Главное, что с моим бумажником все в порядке.

– Так он, значит, дорог вам. – Уже сказав это, Кодзиро подумал, что его слова были излишними.

Чувства, вложенные женщиной в объяснение, говорили о том, что этот старый бумажник, кожа на котором местами потрескалась и облупилась, представляет ценность для его хозяйки.

– Его купил мне сын со своей первой получки. Потому я и продолжаю чинить его и пользоваться им уже двадцать лет, – сказала женщина, словно прочитав мысли Кодзиро.

– Нет ничего лучше привычных вещей.

– Ой, надо бы вас как-то отблагодарить.

– Это ни к чему. Вполне достаточно ваших искренних слов.

– Но если бы я потеряла этот бумажник, то лишилась бы и сил, чтобы жить дальше. Никаких слов не хватит, чтобы выразить мою признательность.

Как Кодзиро ни отказывался, женщина не уходила. В итоге ему пришлось согласиться на ее предложение угостить его кофе в сиэтлской кофейне, находившейся в здании больницы.

3

Кодзиро сходил во врачебный кабинет, где обследовали его жену, сообщил медсестре, которую знал в лицо, где его искать, и вернулся в кофейню.

Общих тем у него и женщины, которой он помог, не нашлось. И поскольку встреча произошла в больнице, разговор не мог не зайти о болезнях.

– Как видите, я еще крепкий. Вот у моей жены со здоровьем неладно. А у вас как? – спросил Кодзиро у женщины.

– Люмбаго, тендовагинит, да еще и ревматизм. Но свалиться мне никак нельзя.

Женщину явно что-то беспокоило, и она, похоже, была настроена выговориться. До завершения обследования жены и оплаты счетов оставалось еще около часа. Кодзиро полагал, что между ним и этой женщиной есть кармическая связь, и был не прочь выслушать ее.

– Нелегко вам.

– Да уж. Мой сын, о котором я недавно говорила, вот уже двадцать лет как прикован к постели.

– Двадцать лет! – невольно повторил Кодзиро.

Он слышал, что даже пациентам с хроническими заболеваниями после самое большее полугода пребывания в больнице приходится или переводиться в другое учреждение, или выписываться. Неизвестно, существовало ли при больнице что-то вроде санатория для пожилых людей, но судя по возрасту, на который выглядела собеседница Кодзиро, ее сын должен быть в самом расцвете лет. Если так, можно предположить, что болезнь или в самом деле тяжелая, или настолько серьезная, что не дает возможности передвигаться.

– Во время аварии он получил травму головы, и с тех пор не приходит в сознание.

И она добавила, что у ее сына из-за последствий аварии сохранилась способность только моргать и шевелить пальцами правой руки.

– Вот, значит, как.

– И едва мы сделали у себя ремонт, чтобы ухаживать за сыном на дому, как скоропостижно скончался мой муж. После его смерти прошло уже тринадцать лет.

По-видимому, больницы переводили пациента из одной в другую, как им было удобно. Наконец родителям осталось только ухаживать за ним на дому, приспособленном для этой цели с помощью ремонта. А люмбаго и тендовагинит у его матери развились, наверное, от утомления за долгие годы ухода.

Все сложилось не так, как планировала семья, потому что когда появились условия для ухода за сыном на дому, в результате несчастного случая муж женщины умер от субарахноидального кровоизлияния. В то время ему было всего сорок восемь лет.

Кодзиро были понятны чувства, побуждающие его собеседницу дорожить подаренным ей сыном с первой зарплаты бумажником, каким бы старым и потрепанным он ни выглядел.

– Этот бумажник… – женщина вынула его из сумочки, словно чтобы обнять обеими руками, и продолжила: – Как я уже говорила, он куплен с первой зарплаты, а во время стажировки в маленькой типографии она составляла около семидесяти тысяч иен. И поскольку сын платил за съемное жилье в Сига, от получки оставалось, наверное, тысяч сорок.

Из них он потратил еще двадцать тысяч на бумажник для матери. Она сказала, что до сих пор не может забыть лицо сына, когда он, вернувшись спустя долгое время в родительский дом, с гордостью вручил подарок. Обеспокоенная стоимостью бумажника из высококачественной кожи, какого у нее еще никогда не было, мать сходила посмотреть цену в магазин, название которого нашла на обертке.

На следующей неделе ее сын попал в аварию: он ехал на мотороллере из Сига к родителям в Киото, когда на национальном шоссе в него врезался идущий сзади самосвал.

– Полицейские называли чудом то, что он не погиб. И правда, как же хорошо, что он все еще жив.

Не то чтобы Кодзиро не знал о случаях, когда люди спасались чудом, попав в какое-нибудь происшествие или аварию. Однако он еще ни разу не встречал тех, кто с нежной улыбкой радовался бы тому, что человек выжил, после того, как посвятил уходу за ним двадцать лет.

– Но… примерно с позавчерашнего дня состояние у сына неважное, – отрывисто пробормотала женщина.

– Вот оно что. И впрямь тяжко вам приходится, – вздыхая, отозвался Кодзиро.

– При виде этого бумажника мне вспоминаются травмы сына в начальных классах, то, как он сбежал из дома, когда перешел в средние классы, как крупно поскандалил с отцом в старших – не что-то хорошее, а лишь те случаи, когда я беспокоилась за него. И сколько он всякого пережил. Так что с потерей этого бумажника от меня будто отдалился бы сам сын… Я всегда дорожила этой вещью.

Все тяготы ухода за больным сыном она терпела благодаря тому, что помнила его здоровым и полным сил. Расползающийся от старости бумажник символизировал прежнюю бодрость ее сына и, вероятно, был предметом, к которому обращали молитвы о его выздоровлении.

Не составляло труда вообразить, сколько горя натерпелась эта женщина. Но она жила и утешалась, глядя на бумажник, подаренный ей сыном.

Воспоминания…

За сорок пять прожитых лет у Кодзиро в памяти сохранилось лишь несколько по-настоящему ярких воспоминаний.

Очутившись на жизненном перепутье, он вдруг задумывался об одном из них и вновь исцелялся.

Так было, когда он изводился, не зная, уходить ли из полиции: ему вспомнился отец, бывший следователь, девятью годами ранее умерший от болезни.

Дом семьи Дзиссо стоял на северной окраине Киото. Теперь там жил старший брат Кодзиро, Кэнъити, который открыл в пристройке к дому зал для занятий кэндо[1], названный «Мусинкан». К району Ракухоку, где жила семья, вплотную подступали горы. И если углубиться в них, протекавшие там речушки были в самый раз, чтобы ради развлечения ловить рыбу аю и сима.

Однажды семилетний Кодзиро со свойственной ему неуемной жаждой приключений ради испытания храбрости в сумерках отправился в лес по соседству с домом, что было строго запрещено. Не ведая страха перед полной темнотой, Кодзиро сбился с пути и в итоге заплутал в лесу.

Два дня спустя его разыскала местная пожарная команда. Спасаясь от голода, он пил речную воду и хотя выбился из сил, его здоровье в целом не пострадало. Больше всего он боялся отцовского гнева. Когда отец примчался в больницу, куда мальчика сразу же отвезли, Кодзиро зарылся в футон и в слезах стал просить прощения.

«Неужто ты вернулся невредимым!»

Отец схватил Кодзиро в объятия вместе с футоном. И с тех пор о ночном походе в горы больше не упоминал ни разу.

Вместе с этим воспоминанием к Кодзиро явилось еще одно, о случае, который запал ему в душу. В тот раз к ним в дом пришел убийца, когда-то давно пойманный его отцом. Видимо, узнав, что первым делом после выхода из тюрьмы этот убийца хочет увидеться с ним, отец Кодзиро специально приехал за ним и привез к себе домой.

Кодзиро, в то время учившийся в средних классах, считал, что пригласить домой убийцу – безрассудный поступок, подвергающий опасности жизнь всей семьи. Если начистоту, убийц он боялся, а к бывшим заключенным относился с презрением.

Это отношение проявилось в поведении Кодзиро, и он не ответил на вежливое приветствие гостя – человека лет пятидесяти с виду.

В тот же миг отец схватил Кодзиро за воротник и влепил ему пощечину. Всего одну, но боль от нее ощущалась до сих пор.

«Стань человеком, способным понять, каково тем, кто оступился!»

С этими словами отец медленно разжал пальцы и отпустил его.

От матери Кодзиро позднее узнал, что тот человек, заливаясь слезами, задушил подушкой собственную мать, прикованную к постели, измученную болями, вызванными тяжелой болезнью, и умолявшую убить ее. И что в день ареста он с перепугу бросился бежать, а отец Кодзиро потом, после задержания, до поздней ночи тренировался с бамбуковым мечом синай, повторяя, что дело выдалось нелегкое.

Но даже узнав историю гостя, Кодзиро не мог понять, почему получил пощечину, и затаил обиду на отца. Лишь после того, как он не раз вспомнил и эту боль в щеке, и объятия через больничный футон, его вдруг осенило.

Все дело в жалости к слабым.

---

[1] Кэндо – японское искусство фехтования на бамбуковых мечах.– *Примеч. ред.*

Суть в том, что и Кодзиро, его родного сына, потерпевшего неудачу и в слезах размышлявшего о ней, и человека, который отбыл срок за убийство своей матери, которую не хотел убивать, объединяло одно: душевная слабость. Отец дал Кодзиро понять, что проявлять доброту к таким людям просто необходимо.

Что сказал бы отец, будь он жив, о смерти Коси и о том, как после нее ухудшилось душевное и физическое состояние жены Кодзиро? Какими словами он поддержал бы детектива, который, сомневаясь в причинах смерти сына, пытался докопаться до истины даже ценой ухода из полиции? Вместе с этими размышлениями в голове у Кодзиро мелькали воспоминания об объятиях и пощечине.

«Разве страдать вместе с кем-то не значит проявлять жалость?»

Заявление об отставке Кодзиро подал, ощущая скорее прилив воодушевления.

* * *

Прощаясь, женщина, которой Кодзиро помог вернуть сумку, непрестанно кланялась ему и благодарила.

Людям важны не столько вещи, сколько связанные с этими вещами воспоминания. Кодзиро вновь осознал, что следы, оставленные кем-то в душе человека, способны стать причиной, по которой стоит жить.

Ему, бывшему полицейскому, который по работе сталкивался лишь с изнанкой человеческой натуры, казалось, что он очистился душой.

Благоговение, с которым та женщина хранила потертый от старости бумажник, старательно утешаясь воспоминаниями о временах, когда ее сын был здоров, навело Кодзиро на мысль, что, возможно, имеет смысл оказывать людям помощь в поиске таких вещей или лиц, связанных с воспоминаниями.

Кодзиро с женой постоянно размышляли, как помочь тем, кто в этом нуждался, и по возможности делали это. Для подобной цели подходило в том числе и волонтерство, если позволяло чувствовать себя полезным другим: оно могло способствовать выздоровлению жены, для которой смерть Коси воспоминанием так и не стала. С таким настроением Кодзиро приступил к работе сыщика воспоминаний.

Как только он обзавелся вывеской на доме, об этом сообщила местная пресса, и у него прибавилось клиентов, в основном из поколения, в суете послевоенных лет что-нибудь да забывшего в прошлом.

Заинтересованные круги подняли в прессе вопрос о сомнительности бесплатных расследований. Однако среди клиентов находились и те, кто предлагал за услуги детектива плату, значительно превосходившую накладные расходы. Поэтому Кодзиро, став сыщиком воспоминаний, решил с благодарностью принимать только возмещение своих расходов и плату за составление отчета.

Считая, что их прежний дом только мешает жене восстанавливать здоровье, Кодзиро приобрел недвижимость, ранее служившую и жильем, и конторой специалисту по бухгалтерии и налогообложению, и открыл на новом месте «Детективное агентство „Воспоминания“».

Кодзиро прекрасно понимал, что временами воспоминания становятся обоюдоострым мечом. И если кто-то из-за них замыкается в себе, как его жена, то для кого-то они оказываются источником жизненной силы, как для женщины с бумажником.

Однако человеческая жизнь не может быть ничем, кроме скопления воспоминаний. К худу или к добру, но именно они служат свидетельством тому, что человек жил. В них содержатся эмоции и переживания, которые составляют суть человечности. Возможно, работа сыщика воспоминаний в том и заключается, чтобы искать их.

Кодзиро почудилось, будто он слышит голос покойного отца, объясняющего ему, что если он всерьез решил иметь дело с воспоминаниями других людей, то должен испытывать к ним любовь и жалость.

Он верил, что работа сыщиком воспоминаний со временем поможет ему примириться со смертью Коси, вместе с женой когда-нибудь снова взять в руки его вещи, хранящиеся на третьем этаже их нового дома, и превратить их в воспоминания.

4

Похоже, у него развилось привыкание к кофе. Он пил его черным, долго простоявшим на подогреве, но сонливость не проходила. Возможно, лучше подействует аромат свежемолотого и свежезаваренного зерна.

Пока Кодзиро размышлял об этом, недовольно уставившись на кофеварку, стало слышно, как к двери подъехал и остановился мотоцикл.

Как раз кстати.

Прибыла Итиносэ Юми, занимавшаяся офисной работой и вдобавок расследованиями, – тридцатичетырехлетняя разведенная мать девятилетней девочки, разъезжавшая на «Нана-хане», мотоцикле с кубатурой от семьсот пятидесяти.

С бывшей медсестрой Юми они познакомились в больнице, где лечилась жена Кодзиро. По натуре опекающая, как старшая сестра, Юми была лидером медсестер той больницы, но уволилась после повторяющихся конфликтов с одним врачом, который домогался младшего персонала, злоупотребляя властью. Предполагалось, что Юми только поможет наладить работу агентства, но с тех пор, как с наплывом клиентов дел прибавилось, в офисе она стала незаменимой.

– Ручаюсь, вы все-таки просидели всю ночь. Сразу чувствуется, – сказала Юми, со шлемом под мышкой входя в офис. Она говорила с мягким киотским акцентом, неожиданным для хозяйки мощного байка.

– Я, как всегда, в запарке. Да еще без вашего кофе войти в ритм не могу.

– Да ну? – отозвалась Юми, сунула шлем под свой письменный стол и направилась в раздевалку, чтобы сменить белый с красным байкерский комбинезон на обычную одежду.

Вскоре она вышла в рубашке лососевого цвета и коричневой юбке – рослая, как модель, с крепким подтянутым телом.

– Не дело это – сидеть по ночам. Надо бы вам разок полностью обследоваться.

– Нет, если во мне и есть что ценного, так это выносливость. А если зависеть от обследований и так далее, ее ценность снизится.

– Наверное, вы просто до ужаса боитесь.

Юми вымыла посуду на офисной кухне, умело засыпала кофейные зерна в кофемолку и включила ее.

По офису распространилось благоухание, и Кодзиро почувствовал, что готов снова засесть за отчет.

– Все равно нужно время… – бормотал он себе под нос, глядя на экран компьютера.

Отчет он дописал, но, подыскивая слова, как можно точнее передающие чувства клиента, был вынужден заняться правкой. Обыкновенно основу отчетов составляет ход расследования, расписанный с привязкой по времени. Однако Кодзиро стремился проникнуться чувствами клиента, как можно лучше понять, на какие воспоминания тот надеется, и в отчете как можно ближе подойти к этой цели.

К примеру, даже если удавалось разыскать того, с кем хотели встретиться или о ком вспоминали, зачастую оказывалось, что этот человек или уже ушел в иной мир, или совершенно ничего не помнит. В таких случаях Кодзиро стремился довести дело до конца, вытеснив

разочарование от невозможности встречи другим поводом порадоваться. И тогда он сообщал, что человек, о котором идет речь, прожил счастливую жизнь, особенно отмечая ее светлые моменты.

Лгать нельзя, но факты в чистом виде порой тоже ранят. Мастерство детектива в том и заключается, чтобы не выдумывать, а пролить свет на истину. В этом отношении работа сыщика воспоминаний отличается от расследования преступлений или поиска доказательств супружеской неверности.

– У Юмы все хорошо? – взглянув на часы, показывающие шесть, спросил Кодзиро у Юми, которая принесла ему свежесваренного кофе. Юмой звали ее единственную дочь.

– У нее летние каникулы, так что она у моей мамы.

– А, каникулы же. Детей у меня нет, вот и забыл.

– В детстве я мечтала о длинных каникулах, а теперь, когда сама мать, хочется, чтобы занятия в школе начались поскорее.

Каждый год Юми отвозила дочь на каникулы к своим родителям. Они жили на окраине Киото, среди гор в Охаре, где благодаря природе и более прохладному климату условия лучше подходили для ребенка.

– Раз Митиё-сан спустится еще не скоро, может, вычитаем отчет?

Юми звала жену Кодзиро по имени, как обращалась к ней в больнице.

– И то верно. Тогда и закончим быстрее. Она ведь до восьми не спустится, Ютака придет после съемки, а у Каны-тян фиксированный график.

Тридцатидвухлетнего Хонго Ютаку, мечтающего стать актером, предложил в качестве сотрудника на подработку старший брат Кодзиро, в зал которого Ютака ходил учиться кэндо. Он мечтал играть в исторических драмах[2] и к Кодзиро устроился с условием, что съемки останутся для него на первом месте, когда ему будут давать роли в Удзумасе.

Но то, что он уже не так молод, не давало Ютаке покоя. Видимо, и родители, жившие в Кагосиме, донимали его, убеждая поскорее взяться за ум и вернуться в родные места, чтобы помогать им на ферме.

Однако сейчас из-за возвращения Ютаки на родину больше всего беспокоился Кодзиро. Без Ютаки все деловые поездки свалились бы на него одного, им пришлось бы отказывать более чем трети клиентов. Поэтому Кодзиро полностью устраивало то, что Ютака снимался в эпизодических ролях, в то же время продолжая работать в детективном агентстве «Воспоминания».

Еще одним сотрудником была двадцатисемилетняя миниатюрная Татибана Канако. Ее щуплая фигурка создавала впечатление слабости и хрупкости. На то, что ей нездоровится, она жаловалась постоянно, и после окончания старшей школы не задерживалась подолгу ни на одном рабочем месте, увольняясь уже через несколько дней.

Желание работать у нее было, да и старалась она изо всех сил, но собственный организм ее в этом не поддерживал.

Кодзиро знал, что причина тому – преследования, которым она подверглась в возрасте семнадцати лет. А знал он об этом потому, что Канако фигурировала в качестве потерпевшей в деле об убийстве, которое сам Кодзиро вел десять лет назад.

Канако преследовал незнакомый мужчина, и ее родители обратились за советом в полицейский участок района Фусими, где тогда жили.

Незнакомец заигрывал с Канако по телефону и в письмах, ходил за ней по пятам, надев бейсболку и темные очки, но поскольку не был замешан ни в каких конкретных преступных действиях, полиция ничего не могла предпринять. Вернее, местные компетентные органы бездействовали.

---

[2] На японском – «дзидайгэки».– *Примеч. ред.*

Однако всю семью Татибана пугало то, что звонков по телефону и писем без почтового штемпеля становилось все больше, а возбуждение незнакомца явно нарастало. Они постоянно бывали в полиции и каждый раз приносили с собой свидетельства, умоляя хотя бы выяснить, кто этот человек.

К мольбам ее родителей не прислушались, и тогда разразилась трагедия.

Дом Канако находился в жилом районе, на окраинах которого выстроились в ряд частные предприятия по производству сакэ; с большой торговой улицей этот район соединял узкий переулок.

Перед обедом в субботу Канако вернулась с занятия школьного клуба каллиграфии, собралась к послеобеденным подготовительным курсам и стала ждать прихода школьной подруги. С тех пор, как у Канако появился преследователь, она стала встречаться с ней у себя дома, чтобы потом вместе сесть на автобус.

В условленное время подруга не появилась. Встревожившись, Канако вышла из дома, чтобы обратиться в полицейскую будку на торговой улице. Но, случайно заглянув в будку, прежде чем войти, увидела свою подругу, разговаривающую с полицейским. И услышала, что подруга прибежала к нему в панике, потому что на торговой улице какой-то странный мужчина схватил ее за руку.

Все приметы подозрительного типа вплоть до бейсболки и темных очков совпадали с неизвестным, преследующим Канако. Потрясенная тем, что он не только преследовал ее саму, но и посягнул на ее подругу, Канако совершенно расхотела ехать на курсы. Решив сообщить по телефону, что сегодняшнее занятие они пропустят, девушки направились к дому Канако, и там их глазам предстало ужасное зрелище.

Примчавшийся на место преступления Кодзиро увидел лежавшего на пороге отца Канако с торчавшим из спины кухонным ножом, а в гостиной – ее мать в луже крови с ровно перерезанным горлом.

Заметив, как отрешенно, будто речь идет о чужих людях, Канако рассказывает о случившемся, Кодзиро понял, что ее душевные раны как раз очень глубоки. От брата он слышал, что иногда, если смертельная рана быстро нанесена человеку острым, как японский меч, холодным оружием, тот даже не успевает заметить это. А в случае Канако, как считал Кодзиро, потрясение было вызвано зверским убийством родителей слишком стремительно, и эмоции за ним не угнались.

О том, что предположение Кодзиро недалеко от истины, свидетельствовали и возобновляющиеся у Канако приступы гипервентиляции, и то, что после убийства родителей она полтора года пролежала в психосоматическом отделении.

Покинуть больницу она смогла лишь потому, что тот человек задумал покончить с собой, спрыгнув с высоты, и оставил письмо, где во всех подробностях описал убийство родителей Канако.

Кодзиро заявил начальству, что поскольку письмо напечатано на текстовом процессоре, доверия оно что-то не внушает, однако решающую роль сыграло то, что описание места преступления в нем содержало подробности, о которых широкую публику не оповещали.

В начале нынешнего года Канако вдруг сообщила, что хотела бы поработать в детективном агентстве «Воспоминания». Так Кодзиро увиделся с ней вновь, уже совсем взрослой с виду.

Кодзиро не знал, где и как жила Канако до сих пор, – не знал о ней ничего, кроме списка прежних мест работы, о которых услышал во время собеседования.

5

– А ведь то, о чем вы сейчас пишете, Кодзиро-сан, – первое дело, которым занималась Кана-тян! – заметила Юми, взглянув на экран.

– Да. Единственной зацепкой в нем были необычно теплые иероглифы. Однако от внимания Каны-тян, которая занималась каллиграфией, они не ускользнули. Она прекрасно справилась.

С виду было неясно, преодолела Канако последствия давнего потрясения или нет, но пока она принимала участие в недавнем расследовании, в ее глазах чувствовалась сила.

Канако искренне прониклась чувствами клиента. Потому-то расследование дела, названного «Мужчина, пишущий теплым почерком», завершилось успешно.

Ничто не истощает нервную систему так, как тесное соприкосновение с чужими эмоциями. Кодзиро казалось, что если Канако оказалась способна выдержать его, значит, по крайней мере в душе у нее появилось место не только для собственных переживаний.

Именно поэтому Кодзиро хотел не просто составить устраивающий клиента отчет, но и вселить в самого клиента уверенность.

Дело, которое в офисе называли «Мужчина, пишущий теплым почерком», не потребовало масштабных расследований.

Клиентка, для которой его вели, пришла в детективное агентство «Воспоминания» под конец сезона июньских дождей. Женщина в возрасте за пятьдесят, ставя в стойку свой зонт из полупрозрачного пластика, обратилась к Ютаке, который находился ближе всех к входу. Но поскольку говорила она очень тихо, ее услышал не Ютака, а Канако, которая и откликнулась на ее слова.

* * *

– Вы ведь, наверное, по одним только воспоминаниям расследования не проводите?

На этот раз голос женщины расслышал и Кодзиро, находившийся в глубине комнаты. И предложил Канако проводить посетительницу к мягкому уголку с диваном в приемной зоне.

Женщина села, Канако принесла кофе и устроилась рядом с ней. Кодзиро считал, что девушке представился удачный случай принять более активное участие в расследованиях, хоть даже спустя полгода ее работы в агентстве у него еще оставались сомнения насчет нее.

– Мы беремся за все расследования, имеющие отношение к воспоминаниям. Я Дзиссо Кодзиро, глава агентства. – Вручив посетительнице свою визитку, Кодзиро сел на диван. – А это Татибана, она занимается расследованиями, – представил он, и поспешно поднявшаяся Канако почтительно поклонилась.

– Меня зовут Оти Кёко. «Оти» – как первые иероглифы в словах «переезжать, превосходить» и «разум», тот, что с «солнцем» снизу, и поскольку я родом из Киото, то мое имя пишется как «киотский ребенок»[3]… Говорите, имеющие отношение к воспоминаниям? – пробормотала Оти, склонив голову набок.

Пожалуй, пятидесяти лет ей еще не исполнилось. Лицо с правильными чертами было моложавым, щеки не обвисали. Возможно, на три-четыре года ее старила неброская одежда – серое платье и черная трикотажная рубашка.

– Объект расследования – человек, предмет или событие? – спросил Кодзиро.

[3] На японском: #### (ochi kyōko).– *Примеч. пер.*

– Человек. Мне хочется, чтобы вы нашли одного совершенно незнакомого мне человека. Хочу встретиться с ним и поблагодарить.

– Понятно. В этом и заключается наша работа, Оти-сан.

Госпожа Оти перевела дыхание, словно ее напряжение рассеялось, и улыбнулась Канако. Та тоже улыбалась и выглядела так, словно обрадовали ее саму.

Кодзиро объяснил, что плату за расследование составят накладные расходы плюс суточные из расчета пятнадцать тысяч иен на сотрудника и что, выслушав рассказ клиентки, они предварительно оценят стоимость своих услуг с точностью до пятидесяти тысяч иен. В заключение он добавил, что если отчет не устроит клиентку, она может возместить только накладные расходы агентства. Всякий раз при этих словах Кодзиро невольно выпрямлял спину.

– Понятно. – На лице Оти застыло неопределенное выражение – возможно, ей передалась серьезность Кодзиро.

За подобными реакциями Кодзиро пристально наблюдал, чтобы определить по ним характер клиента. Они служили базой, помогающей избегать розыгрышей, насмешек, попыток втянуть их в преступления, и к этим своим наблюдениям он обращался при составлении отчета.

– В таком случае, послушаем подробный рассказ, – и Кодзиро нажал кнопку записи на маленьком диктофоне, который всегда держал на столе.

6

Сорокасемилетняя Оти жила одна неподалеку от парка Окадзаки. С мужем, работавшим в строительной компании, она по некоторым причинам развелась. Оба их сына были уже самостоятельными и жили отдельно.

При разводе ей достался собственный дом, жила она на то, что получала, работая неполный день в супермаркете. Оба сына каждый месяц понемногу помогали ей, и хотя лишних денег у нее не было, она не нуждалась.

Но поскольку ей все же было одиноко, два года назад она решила завести котенка. Как она объяснила, в котенка с фотографии на доске частных объявлений «Ищем – предлагаем» в супермаркете она прямо-таки влюбилась с первого взгляда.

– Вот он, мой Судзята, – сказала госпожа Оти, выкладывая снимок на стол.

Котенок на снимке был весь черный, с круглым белым, словно непрокрашенным пятнышком сбоку от носа и огромными вытаращенными глазами. Видимо, потому его и назвали Судзята – как известную марку порционного молока, чтобы добавлять в кофе.

– Милашка! – тоненьким голосом старшеклассницы воскликнула сидевшая рядом Канако.

– Правда миленький? С ним я по-настоящему отдыхала душой.

– А теперь уже нет? – спросил Кодзиро, заметив грусть в глазах госпожи Оти и глагол в прошедшем времени.

– Он переселился ко мне шестимесячным. Поначалу я думала, что он будет постоянно находиться в доме, но когда ему исполнился год, совершила ошибку и начала выпускать его во внутренний двор погреться на солнышке.

Освоившись на свежем воздухе, Судзята стал проситься во двор чаще, чем играть дома. Спустя полгода он проскочил под настилом веранды-энгава, выбежал на оживленную улицу, и его сбила машина.

– Это я во всем виновата, – сказала госпожа Оти, опустив голову и не сводя глаз со снимка.

Она беззвучно плакала, прижимая к глазам платочек, так что становилось ясно, насколько дорог был ей Судзята. Чувство утраты, испытанное после смерти сына, подступило к груди Кодзиро.

Не переставая утирать глаза, госпожа Оти медленно достала подвеску – стеклянный флакончик вроде тех старомодных, в каких носили «звездный песок», измельченные известковые скелеты и ракушки обитателей моря.

Взяв флакончик и заглянув внутрь, Кодзиро увидел там только испачканное птичье перышко и что-то вроде полупрозрачной раскрошенной рисовой шелухи. Содержимое флакончика ни в коей мере не было красивым.

– Что это?

– Наверное, оно кажется грязноватым. Да, честно говоря, и я, глядя на него, не думаю, что это красиво. Потому-то и хочу поблагодарить человека, который счел этот предмет важным.

Госпожа Оти объяснила, что во флаконе найденное уже после гибели Судзяты перо, которое он как-то сумел выдрать во время неудачной попытки поймать залетевшего в сад воробья, и несколько сменившихся кошачьих коготков.

По словам госпожи Оти, она потеряла эту подвеску где-то на территории храма Сэйрёдзи, одного из живописных мест района Сага.

– Я с детства люблю «Повесть о Гэндзи» и даже теперь, в мои годы, восхищаюсь Хикару Гэндзи. Поэтому стараюсь бывать на его могиле в храме Сэйрёдзи во время июньских дождей, когда людей там меньше. Я предвкушала, как не спеша пройдусь по главному зданию храма и по саду, потом перекушу где-нибудь на его территории жареными абуримоти[4] и вернусь домой.

Этот храм стоит на месте Сэйкакана, загородного дома Минамото-но Тору, который считается прообразом главного героя «Повести о Гэндзи». Госпожа Оти добавила, что на могиле Тору безмолвно стоит пагода Хокёинто.

Некоторое время госпожа Оти постояла у пагоды, в воображении то и дело возвращаясь к реально существовавшему Тору, прообразу Хикару Гэндзи.

– И я даже не заметила, как потеряла дорогую мне подвеску, – на лице госпожи Оти отразилось огорчение – видимо, ей вспомнилось, как жаль ей было подвеску в тот момент, когда она обнаружила, что где-то обронила ее.

– Как вы добираетесь от своего дома до храма Сэйрёдзи?

– Автобусом и «рандэном»[5].

– Двадцать минут езды автобусом, еще двадцать «рандэном», итого около сорока, так?

Видимо, подвеску нашел не тот, кто где-нибудь встречался с госпожой Оти или знал ее. То есть связи между ними нет никакой.

Кодзиро спросил, каким образом подвеска вернулась к ней.

– Отсутствие подвески на шее я заметила сразу, как только вернулась домой. Уверенная, что обронила ее в автобусе, я связалась с городской транспортной службой. Я сообщила время и маршрут автобуса и попросила найти подвеску, но это им не удалось, тогда я обратилась в железнодорожную компанию «Кэйфуку», но… в итоге мне пришлось лечь в постель в полном унынии.

Если вспомнить, как привязана была госпожа Оти к Судзяте, без труда верилось, что упоминание о том, как она слегла, отнюдь не преувеличение.

Подвеску с перышком, которым играл любимый кот, и несколькими оставшимися от него коготками она смастерила, считая, что он погиб из-за нее, и решив, что больше никуда его не отпустит и теперь они всегда будут вместе. Пожалуй, поэтому можно было с уверенностью

---

[4] Абуримоти – местное кушанье, маленькие моти, посыпанные соевой мукой кинако, обжаренные на шпажках и политые сладким белым мисо-соусом.– *Примеч. пер.*

[5] «Рандэн» – общепринятое название ветки Арасияма железнодорожной компании «Кэйфуку», по которой от станции Сидзё-Омия в центре Киото до Сагано и Арасиямы можно доехать чуть больше чем за двадцать минут.– *Примеч. пер.*

утверждать, что утрата подвески привела ее в такое состояние, словно она во второй раз лишилась любимца.

– Раз уж в транспорте ее не нашли, я подумала, что, наверное, потеряла ее на территории храма.

Вспоминая, как шла к могиле Тору и что при этом делала, госпожа Оти несколько раз повторила тот же путь в поисках подвески. Если на хрупкий стеклянный флакончик наступили, то наверняка раскрошили его в пыль, а его содержимое, перышко и коготки, при этом разлетелось и потерялось безвозвратно.

В июне и июле на территории храма все равно бывает с экскурсиями немало школьников, хоть и не столько, как в сезон цветения сакуры или осенних листьев. В округе много известных достопримечательностей – храмовые комплексы Тэнрюдзи и Нисонин, хижина Ракусися при Дайкакудзи, – так что поток посетителей не иссякает. К тому же в этом году сезон июньских дождей выдался обильными осадками.

– Обычно бамбуковой роще во время дождя присуще особое очарование, но теперь шорох капель по дождевику все отчетливее начал напоминать топот лапок бегущего Судзяты и вызывал странное чувство.

Словно в горячечном бреду, госпожа Оти продолжала ходить и искать воспоминания о Судзяте.

– Но так и не смогли найти их?

– Я отчаянно искала четыре дня, чуть ли не на коленях ползала. И уже была готова сдаться. Нет, не так: ничего другого мне не оставалось, но в глубине души сдаться я никак не могла.

Совершенно выбившись из сил, госпожа Оти поплелась в сторону станции Арасияма. Она промокла, из-за похолодания мало-помалу ее начала бить дрожь. Случайно подняв голову, она зацепилась взглядом за освещенные окна кафе-киссатэна[6] перед станцией, которые в этот день казались особенно теплыми.

– В киссатэнах я бываю редко. Плохо переношу табачный дым, у меня хоть и несильная, но аллергия.

– А киссатэнов с полным запретом на курение, как ни странно, мало, – почти шепотом согласилась Канако.

– Но в тот киссатэн вы все-таки зашли, – подсказал Кодзиро, желая услышать продолжение.

– Захотелось выпить горячего кофе.

На доске объявлений «Потери и находки» там обнаружилась записка, которая гласила: «Подвеска в виде маленькой бутылочки. Найдена на территории храма Сэйрёдзи. Видимо, для кого-то это важная вещь, так что возвращаю ее».

Позабыв заказать кофе, госпожа Оти попросила позвать хозяина киссатэна.

– Я так разволновалась, что только указывала на объявление и твердила, что это мое. Помню, как хозяин успокаивал меня, дал воды, и я наконец перевела дыхание, – рассказывала госпожа Оти, бережно держа в руках подвеску.

Разумеется, даже на самый пристрастный взгляд эта вещица не принадлежала к тем, что вызывают непреодолимое желание обладать ими. Хозяину заведения и в голову бы не пришло, что кто-то попытается выдать себя за владельца подвески.

– И он, наверное, отдал ее вам, не задумываясь.

– Верно.

---

[6] Киссатэн – традиционная японская кофейня, получившая широкое распространение в XXв. Отличается спокойной атмосферой, где помимо кофе и чая обычно подают простые закуски и десерты.– *Примеч. ред.*

Когда подвеска наконец вновь оказалась в руках у госпожи Оти, она расплакалась от радости. Это чувство не улетучилось, а преобразилось в признательность к тому, кто нашел и вернул памятную вещицу.

– И теперь вы хотите разыскать человека, который ее нашел, и выразить благодарность, – уточнил Кодзиро.

Если перед детективом не поставить четкую цель, ключевые моменты расследования окажутся размытыми, когда дело дойдет до составления отчета.

Госпожа Оти просила не просто найти неизвестного: если ей не представится возможность встретиться с ним и лично выразить благодарность, полностью удовлетворена она не будет.

– Я расспрашивала и хозяина киссатэна, и живущих по соседству людей, но…

Хозяин сказал, что видел этого человека в первый и последний раз. Однако он хорошо запомнился тем, что, несмотря на душный день, был в низко надвинутой на лоб матерчатой кепке и хлопковых рабочих перчатках.

Он также рассказал госпоже Оти, что попросил незнакомца написать объявление, чтобы повесить на доску, и эта задача заняла столько времени, что у него возникло беспокойство, все ли с мужчиной в порядке.

– Вот это объявление, висевшее на доске. – Госпожа Оти достала из кошелька свернутый листок бумаги и любезно расправила его. Размером он был с томик в бумажной обложке.

– Ух ты! – вырвалось у Канако.

– Да, вот это почерк, даже слов не подберешь, – с невольным восхищением в голосе согласился Кодзиро.

Вероятно, автор написал это объявление собственной авторучкой, жирными линиями уставного письма кайсё[7] без упрощений. Каллиграфическим его почерк не был, но манеру отличало нечто особое. Иероглифам, если рассматривать их каждый в отдельности, недоставало соразмерности, они вышли несимметричными. Но в составе предложения они производили впечатление непоколебимой уверенности – эти загадочные знаки, создающие спокойствие. На листочке с объявлением почти не осталось свободного места, он был исписан полностью.

– Стиль, пожалуй, своеобразный, но красивый, – сказала Канако, всматриваясь в написанное.

– А, вы же занимались каллиграфией, Кана-тян. Смотрится в самом деле своеобразно.

– Впрочем, поскольку в каллиграфии существует творческое направление, невозможно утверждать наверняка…

– Чем же объяснить, что написание этого объявления заняло много времени? – спросил Кодзиро, подумав, что, возможно, свою роль сыграло что-то вроде ребяческого порыва проявить творчество в оформлении надписи.

– А оно не могло затянуться потому, что водить пером понадобилось очень медленно? Ведь вертикальные черты, заканчивающиеся полной остановкой пера, и вертикальные черты с крюком выведены с почти одинаковым расходом чернил, – и Канако добавила, что даже при письме пером можно менять насыщенность тона в зависимости от скорости движений. Она объяснила, что это особенно заметно, если присмотреться к вертикальным чертам с крюком и без него.

– Вот вы упомянули об этом, я присмотрелся и вижу, что чернильный наплыв есть не только на вертикальных чертах, но и на крюках.

---

[7] Кайсё – один из основных стилей японской каллиграфии, основанный на стандартном начертании китайских иероглифов. Для него характерны четкие, хорошо различимые линии и строгое соблюдение формы знаков.– *Примеч. ред.*

– Так бывает из-за слишком сильного и постоянного нажима. Еще заметна легкая дрожь. А такое нередко встречается у людей, которые только начинают заниматься каллиграфией.

– Действительно. Значит, дело не в творческом подходе.

– Вы и впрямь настоящие детективы, – слушая их разговор, госпожа Оти восхищенно покачала головой.

– Поскольку эта подвеска дорога вам, мы ее вернем, только с вашего разрешения снимем ее на цифровой фотоаппарат. И сделаем копию объявления. Было бы замечательно.

– Да, пожалуйста, как сочтете нужным. Мне непременно надо поблагодарить его, иначе на душе не будет спокойно.

– Мы приложим все старания, чтобы справиться как можно скорее, Оти-сан.

Кодзиро вручил клиентке предварительную смету и проводил ее до двери.

– Почерк – это зацепка, – бормотал он, размышляя о том, какому человеку может принадлежать подобный почерк, и о новой встрече.

7

Следующий день.

Как правило, определившись с тем, кто будет вести дело, Кодзиро отправлялся в поездки в зависимости от ситуации, но на этот раз так получилось, что он взялся за расследование вместе с Канако.

Дело в том, что девушка призналась: ей еще не хватает уверенности в себе, чтобы бродить по городу в одиночку.

Решив заняться первоочередными задачами вдвоем, Кодзиро сразу же отправился в киссатэн, где было обнаружено объявление о находке и она сама. Он намеревался по возможности как можно точнее повторить действия клиентки, и они двинулись к станции Арасияма железнодорожной компании «Кэйфуку».

Автостоянок в черте города было немного, поэтому Кодзиро пользовался машиной лишь в случае острой необходимости – когда предстояли неудобные пересадки, когда он вез много багажа или подвозил кого-нибудь. Тратить время на поиски парковки он терпеть не мог. Особенно если место назначения пользовалось популярностью у туристов.

«Рандэн» бежал по проезжим улицам города, напоминая старинный городской трамвай. Во времена учебы Кодзиро в средних классах такие наземные вагоны еще можно было увидеть на городских магистралях. Даже несильный шум вибрации усиливал сходство «рандэна» с трамваем. Что было другим, так это виды в окнах после того, как он выехал с городских улиц на загородную ветку.

Электричка словно сшивала воедино жилые дома и магазины, храмы и задние дворы с садами, пробегая так близко, что, казалось, можно дотронуться до них, стоит только протянуть руку.

Вскоре поезд прибыл на станцию Арасияма, слишком маленькую для постоянного притока туристов, но тем не менее очаровательную, и молодая спутница Кодзиро восхищенно воскликнула: «Прелесть!»

К сожалению, в тот день с самого утра зарядил дождь.

Канако в темно-синем костюме, следующая за Кодзиро с небольшим отставанием, выглядела, пожалуй, как старшеклассница или студентка, промахнувшаяся с сезоном поиска подработки.

Киссатэн, о котором они узнали от госпожи Оти, нашелся сразу же. Он располагался к северу от станции, на небольшом расстоянии от нее. Пожалуй, для заведения, где можно перекусить, находящегося в туристическом районе, место было выбрано безупречно.

Свой визит они приурочили к десяти часам утра, прикинув, что в это время период завтраков уже закончился, а подготовка к обеду еще только начинается.

Стоило им войти и оглядеться, как стало ясно, что в своих предположениях Кодзиро не ошибся. На четыре столика приходилось всего трое посетителей, а все восемь мест у стойки пустовали. Кодзиро и Канако сели к стойке и заказали горячий кофе.

Увидев выстроившиеся прямо перед местами у стойки сифонные кофеварки, Кодзиро рассудил, что удобнее всего завести разговор с хозяином, пока тот готовит им кофе и находится поблизости.

– Хозяин, я слышал от друга, что кто-то нашел подвеску и принес ее сюда, – обратился Кодзиро к мужчине, засыпающему в воронку кофеварки молотый кофе. Услышав, как его назвали хозяином, он не стал возражать, значит, Кодзиро не ошибся, и это действительно был владелец заведения.

– А-а, я так удивился! – откликнулся почти сразу хозяин, на лице которого лишь на миг отразились старания вспомнить, о чем речь. – Ведь за ней пришли неожиданно, в пятом часу. Я как раз говорил постоянным посетителям, что этот мир еще очень даже ничего.

– Должно быть, вещь недешевая, да? – будто не зная, о чем речь, спросил Кодзиро.

От собеседников, работающих в сфере обслуживания, он по возможности скрывал, что он детектив. И был особенно осмотрителен во всем, что касалось клиентов.

– Да нет, вряд ли дорогая. Просто стеклянный пузырек.

– Но хозяин ведь пришел за ним?

– Вот уж не думал, что за ним вообще придут. Сказать по правде, я-то поначалу хотел, чтобы его отнесли в храм или в полицейскую будку, не у меня же его потеряли. Ведь в том пузырьке и было только перышко и какой-то мусор.

На пятый день находку уже собирались было отнести или в полицию, или в канцелярию храма Сэйрёдзи, где ее подобрали. И в тот же день в киссатэн случайно зашла госпожа Оти.

– Но как же вы поняли, что это важная вещь?

– Это все человек, который ее нашел. Сам-то я, хоть и стыдно признаться, и не подумал бы ее вернуть.

– А он специально зашел ради этого к вам. Что он вообще за человек? Вы же, наверное, видели его лицо.

– Да я так и не разглядел толком. Кепку он не снимал, и очки на нем были слегка тонированные.

Этот человек вошел в киссатэн, сел у окна, взял книгу, выставленную в нише эркера, и принялся рассматривать ее.

– Ради атмосферы мы держим там старинную книгу «Мияко мэйсёдзуэ»[8] – что-то вроде рекламного проспекта для туристов эпохи Эдо[9]. Но когда я подошел, чтобы подать ему воды и принять заказ, он сразу отвел взгляд от книги и удивил меня, попросив горячего молока. Ну, поскольку к нам ходят из-за вкуса нашего кофе, возможно, ему было неловко не заказать его. Вскоре он завел разговор о подвеске.

Кипящая вода с бульканьем поднималась по трубке в воронку с молотым кофе, получающаяся густо-коричневая жидкость распространяла милое сердцу Кодзиро благоухание. Определив по виду спиртовой горелки, что уже пора, хозяин убрал пламя от сифона. Кофе медленно закапал в него.

– Наверное, он из поколения, умеющего ценить вещи, – пробормотал Кодзиро так, чтобы услышал хозяин.

---

[8] «Мияко мэйсёдзуэ» – «Виды и описания достопримечательностей столицы».– *Примеч. пер.*

[9] Период правления клана Токугава с 1603 по 1868г.– *Примеч. ред.*

– Говорил он невнятно, трудно было расслышать. С виду чуть за шестьдесят, а судя по манере говорить, около семидесяти.

Хозяин киссатэна отметил, что из внешних особенностей у заявившего о находке хорошая осанка, но ходит он осторожно, словно проверяя каждый шаг.

Кодзиро взглянул на Канако, выясняя, не хочет ли и она что-нибудь спросить, и девушка подала голос:

– Так, значит, это он написал объявление, чтобы повесить на доску.

Кодзиро понял, что она пробует проверить версию с каллиграфией.

– Да, и так медленно выводил каждый знак, словно старался изменить почерк, – я уж подумал было, что с ним что-то не в порядке.

– Все до единого знаки выводил медленно?

– Да, верно. Ручка у него была своя, – хозяин заведения поставил подогретые чашки на блюдца, бесшумно налил в них кофе и перенес на стойку к посетителям. Кофе оказался не таким крепким, как в офисе агентства, но Кодзиро счел его вкусным. Ему вновь напомнили, что кофе служит не только для того, чтобы спасать от сонливости.

Кодзиро принадлежал к тем, кто пьет черный кофе, а Канако предпочитала латте с сахаром, сильно разбавленный молоком.

С удовольствием выпив кофе, соответствующий их вкусам, они покинули киссатэн.

* * *

Дождь усилился. После того, как они некоторое время шагали по прямой дороге, а потом перешли по мосту через блестящие от дождя черные рельсы, вдалеке показались ворота храма Сэйрёдзи.

Окутанный дымкой дождя старинный храм выглядел изысканно, а от стука капель по зонтам ощущение романтики зашкаливало.

– Дзиссо-сан, мне все-таки кажется, что для авторучки линии слишком толстые, – неожиданно громко обратилась Канако к мокрой куртке Кодзиро.

– У иероглифов в объявлении? Но, пожалуй, и на фудэпэн, перо для каллиграфии, это не похоже.

– Да, не похоже. Иначе не понадобился бы характерный нажим при выведении линий.

– Почерк такой, что производит впечатление, несмотря на его своеобразие. Я не специалист, но в нем чувствуется какое-то обаяние. Наверное, это результат практики. Мне стало интересно, что это за человек.

Сэйрёдзи, расположенный к западу от Киото храм буддистской школы Дзёдо-сю, местные жители называют просто «Сякадо в Саге»[10]. Открывающийся за высокими воротами Ниомон вид на обширную территорию храма вплоть до его главного здания создает ощущение, разительно отличающееся от вызванного дорожкой, которая сюда ведет.

У входа пестрели, как цветы, пластиковые зонтики – стайка учащихся приехала на экскурсию. День был пасмурным, небо затянули дождевые тучи, а это зрелище словно ослепило Кодзиро. И он невольно представил среди этих ребят Коси.

Быстрым шагом обойдя учащихся, Кодзиро направился не к главному зданию храма, а к расположенной слева от него двухэтажной пагоде-тахото с квадратным основанием. От госпожи Оти он слышал, что могила Минамото-но Тору находится где-то к западу от нее.

Памятная пагода Тору, мокрая от дождя, стояла за воротами-тории по соседству с усыпальницей императора и императрицы Сага. Кодзиро, у которого не было воспоминаний, свя-

[10] Сякадо в Саге – храм в районе Сагано, главная святыня которого – изображение Будды Шакьямуни, сяка-нёрай.– *Примеч. пер.*

занных с «Повестью о Гэндзи», не испытал при виде пагоды глубоких чувств, но госпоже Оти, видимо, здешняя атмосфера казалась подходящей для погружения в мир героев этого произведения.

Затем Кодзиро и его спутница заплатили за вход и направились в главное здание храма.

Поклонение статуе Будды Шакьямуни и десяти главным его ученикам не было их целью, но перед двустворчатым алтарным шкафчиком с изваянием, изображающим, как они слышали, Будду в возрасте тридцати семи лет, у них перехватило дыхание. Его щеки и пальцы рук выглядели не такими пухлыми, как изображают обычно, – вероятно, из желания показать, что он был аскетом. И все же в выражении лица ощущались сила и стремление помогать людям.

В свои тридцать семь Кодзиро ни о чем не беспокоился, ведь его жена и сын были живы и здоровы. Наверное, в то время его переполняла уверенность в себе, в том, что в жизни он с чем угодно справится своими силами. Качая головой, Кодзиро шагал по крытой галерее за главным зданием к ходзё, покоям главы храма. Ему помнилось, что во дворе ходзё устроен карэсансуй – сад камней.

Он вспомнил, как когда-то во время свидания они с женой зашли посмотреть сад камней в Рёандзи, и как скучно им тогда было. В те времена он еще не знал, что такое настоящее горе.

– Дзиссо-сан, что-то не так? Вы уже некоторое время не такой, как обычно.

– Да нет, просто видом залюбовался. В дождь он так западает в душу, – и словно скрывая смущение оттого, что погрузился в мир воспоминаний, Кодзиро указал на вздрагивающие под ударами дождевых капель листья деревьев и продолжал: – Если бы здесь проводили званые чаепития или что-то в этом роде, сохранились бы списки приглашенных или гостевая книга, а так нет необходимости записывать имена при входе.

– Хорошо бы здесь держали что-то вроде «Омоидэгусы», как в Дзикисиане, – будто вспомнив что-то, сказала Канако, поглядев на мокрые деревья.

– «Омоидэгусы»? – переспросил Кодзиро.

Канако объяснила, что так называется памятная книга, куда посетители записывают свои мысли, – она хранится в еще одном расположенном в Сагано храме, Дзикисиан, который после появившихся в прессе сообщений о нем приобрел известность как прибежище для женщин, поверяющих книге «Омоидэгуса» горести своей жизни.

– Верно, Кана-тян, такое вполне возможно. Идем скорее.

Пройдя по крытой галерее до ходзё, они заметили повернутый к саду письменный стол в японском стиле. На столе лежала пухлая от постоянного перелистывания тетрадь для записей.

– О, Дзиссо-сан, смотрите…

Кодзиро вгляделся в открытую тетрадь, протянутую ему Канако.

– Это же… – Он не договорил, потому что это была запись, выведенная тем же самым теплым почерком. – Очень жирные и слегка дрожащие знаки, старательные, добросовестные и в первую очередь теплые. На свете нет второго человека, способного так писать.

Он быстро пролистал тетрадь, проверяя, нет ли в ней имен или адресов. И увидел, что записи тем же почерком есть и на другой странице.

– Судя по датам, указанным другими людьми, он, похоже, приходил сюда два дня подряд.

День первый.

«Из-за погоды во время поездки приболел. Горлопан оказался слабаком. Радуюсь, что жив».

День второй.

«Подарочков полным-полно. От этого тоже прослезился. И за это благодарен, вновь благодарен».

Все это Канако переписала к себе в блокнот.

– Итак, появилась новая зацепка, – объявил Кодзиро так радостно, словно ему представилась возможность блеснуть мастерством сыщика воспоминаний.

8

Был уже второй час дня, когда Кодзиро и Канако покинули храм Сэйрёдзи.

– Я родом из Киото, но понятия не имел, что при храме Сэйрёдзи есть сад. Причем настолько обширный.

Они направлялись по узкой дорожке к старинным храмам по соседству, чтобы проверить их заодно.

– Должно быть, немало труда нужно, чтобы осмотреть столько храмов, – сказал Кодзиро, набирая на своем телефоне переписанные Канако строки, которые оставил мужчина с теплым почерком.

Эти записи он разослал по электронной почте всем сотрудникам агентства, попросив по возможности связаться с ним, если они что-нибудь заметят. Имея предостаточно опыта работы в полиции с ее вертикальной структурой, Кодзиро старался, чтобы его сотрудники активно обменивались информацией не только по делам, которые ведут сами. Он считал, что даже самое незначительное участие дает возможность воспринимать работу агентства в целом не как личное, а как общее дело.

Для этого они прилагали старания, чтобы сообща владеть даже самыми незначительными сведениями, потому и работали успешно, объединяя усилия все пятеро, включая жену Кодзиро, как сплоченная команда.

– Интересно, почему он отнес подвеску именно в тот киссатэн, – пробормотал Кодзиро, складывая телефон.

– Может быть, не знал, где находится канцелярия храма?

– Или не успел до закрытия? В Сэйрёдзи она закрывается в четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.